

Администрация города Вологды
Вологодский государственный университет
Вологодская областная универсальная библиотека

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 1

K 1475139

Вологда
2016

С.Х. Головкина
Вологда

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ПОЭТА И ПОЭЗИИ*

Художественное творчество, сущность и роль поэзии, судьба и предназначение творца, создателя литературного произведения – бесконечные темы, пропитывающие творчество многих вологодских поэтов и писателей. Не исключение и Николай Клюев. Наверное, как и у многих других поэтов, жизнь Клюева – нескончаемая череда встреч, сближений с людьми разных взглядов, близких ему или чуждых поэтов, писателей, критиков... Поэтическое творчество Н. Клюева так или иначе отражает эти «встречи». В центре статьи одна из них: «Н. Клюев – В. Кириллов».

В 1918 году Н. Клюев вступает в «поэтическую полемику» с пролетарским поэтом Владимиром Кирилловым (1890-1943). Поводом послужило стихотворение Кириллова «Мы» (1917), являвшегося своего рода стихотворной декларацией уничтожения мировой культуры («*Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы...*»). Поэтический ответ Николая Клюева – стихотворение «Мы – ржа-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ГРНФ, проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»

ные, толоконные...» [5]. Стихотворение Н. Клюева основано на контрасте –несовпадении взглядов на творчество. На уровне композиции оппозиция «своего» и «чужого» выражена прежде всего местоимениями «мы» – «вы». *Мы* – русские крестьянские поэты – хранители и носители традиций «истинной глубокой поэзии, корнями уходящей в творческие истоки святой земли русской». *Вы* – разрушители, создатели «новой» цивилизационной поэзии, ведущей к гибели творчества и духовности. Первая и вторая строфы содержат это противопоставление в попарно объединенных строках: 1) «*Мы* – ржаные, толоконные, Пестрядинные, запечные... – *Вы* – чужунные, бетонные, Электрические, млечные»; 2) «*Мы* – огонь, вода и пажити, Озимь, солнца пеклеванные... – *Вы* же тайн не расскажете Про сады благоуханные».

Универсальная оппозиция «свое – чужое» раскрывается в противопоставлении «народного и антинародного», «духовного и бездуховного», «сакрального и inferнального», «естественного и искусственного». Первая строфа отражает противопоставление «природного, крестьянского, здешнего (запечного)» и «городского, неживого, нездешнего (млечного)» с помощью прилагательных-эпитетов: *ржаные, толоконные, пестрядинные, запечные* – *чужунные, бетонные, электрические, млечные*.

Создание образов представителей разных поэтических мировоззрений достигается в результате метонимического переноса признаков реалий крестьянской жизни (сферы сельского хозяйства, в частности хлебопашества, прядения и ткачества: *ржаной, толоконный, пестрядинный*) в тематическую сферу «Человек», а также признаков реалий (артефактов) жизни городской (сфера производства, строительства): *чужунный, бетонный, электрический*. Противопоставление признаков *запечный* (за печью в избе,) ↔ *млечный* (ср.: Млечный путь – звездное скопление в виде светлой полосы на темном небесном своде) основано на расположении в пространстве и связано с актуализацией семантических компонентов: «реальное» – «иллюзорное», «родное» (печь – символ связи с миром предков) – «неродное, чужое».

В отличие от первой оппозиция во второй строфе асимметрична с точки зрения грамматических средств выражения: концепт *Мы* – включает в себя *огонь, воду, пажити, озимь, солнца пеклеванные* – так поэт называет основополагающие элементы «своего» мира. *Вы* – передается предикативной конструкцией «*Тайн не расскажете про сады благоуханные*» – так выражается отсутствие «истинного» знания о мире, духовная пустота. Перифраза «сады благоуханные» – синкретичный образ творчества и творения (мира, человека, поэзии...). Далее оппозиция реализуется в двух композиционных частях, объединяющих несколько строф: 3, 4, 5, 6, 7 строфы («вы») (→) 8, 9, 10 строфы («мы»). Противопоставление поддерживается анафорическим употреблением местоимений «мы» и «вы».

Строфы, отражающие образ «вы», рисуют картину разрушения словесного творчества и, следовательно, мира: *Ваши песни – стоны молота,*

В них созвучья – шлак и олово; Жизни древо надколото, Не плоды на нем, а головы.

«Апокалипсис» так называемой «новой» пролетарской поэзии. Поэзия соотносится Н. Клюевым с Древом жизни (в христианстве – райское древо, посаженное Богом посреди Эдемского сада, его плоды дарят вечную жизнь, оно находится в тесной связи с Древом познания Добра и Зла). «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9).

Ключевые в развитии мотива творчества слова: *жизни древо, плоды, подножие, гнезда, трон, песни, созвучья, сон кольцовский, терем меевский*. Идея смерти, гибели «древа жизни» воплощается в тексте лексемами: *голова, кости бранные, черепа с кромешным хохотом* (кромешный – от ст.-слав. кромѣштьнь (др.-греч. Ἐξώτερος «крайний, внешний»). 1. Беспросветный, непроглядный. 2. Сплошной, невыносимо тягостный. Иносказательно: мир неграмотности, невежества (ирон. презрит.). В Евангелии от Матфея (Мф. 22:13) под этим выражением подразумевается ад, преисподняя — «тьма внешняя». Ср.: фразеологизм «кромешная тьма»); *филины* (по народным представлениям, нечистые, дьявольские, зловещие птицы, которые гнездятся на кладбище [4, с. 531, 568]). Таким образом, слова тематической группы «Человек» воплощают в тексте Клюева мотив смерти, насилия, гибели.

Признаки «антитворчества» (по Н. Клюеву): *песни – стоны молота; созвучья – шлак и олово; орды книжные, татарские; шестернею не осилены; кнут и кивер аракеевский, утонуть в море клюквенном*. В этом ряду находятся слова – символы «нового мира» (мира «железа», пролетарской власти): *«На святыни пролетарские Гнезда вить слетелись филины; Орды книжные, татарские, Шестернею не осилены»*.

Седьмая строфа стихотворения завершает описание «чуждого» Николаю Клюеву мира: *«Ваша кровь водой разбавлена Из источника бумажно-го, И змея не обезглавлена Песней витязя отважного»*.

Превращение крови («одной из главных жизненных субстанций человеческого тела») в воду, плесень и другие вещества связывается поэтом с умиранием, разложением. Это осмысление языческой традиции нередко встречается в творчестве Клюева. Под *источником бумажным* подразумевается книжность, оторванная от народной культуры. Поэтическая фраза *«И змея не обезглавлена Песней витязя отважного»* связана с христианскими представлениями о Георгии Победоносце. Змей – это Сатана, искушитель, враг Бога и участник грехопадения. Он олицетворяет силы зла, разрушение, могилу, коварство и лукавство, зло, которое человек должен преодолеть в себе.

Последние три строфы стихотворения дают представление об истинном творчестве, идеале поэта новой Руси. Анафорический повтор первой строки стихотворения *«Мы – ржаные, толоконные»* открывает новую композиционную часть текста.

*Мы – ржаные, толокнные,
Знаем Слово алатырное,
Чтобы крылья громобойные
Вас умчали во всемирное.*

*Там изба свирельным шоломом
Множит отзвуки павлинские...
Не глухим, бездушным оловом
Мир связать в снопы овинные.*

*Воск с медынью яблоновою –
Адамант в словостроении,
И цвести над Русью новою
Будут гречневые гении.*

Синестетический образ истинной поэзии (как освященного богом «крестьянского мироздания») представлен цепочкой ключевых элементов текста: *слово алатырное – всемирное – изба свирельным шоломом – отзвуки павлинские – снопы овинные – воск с медынью яблоновою – адамант в словостроении*. Слово *алатырное* (от слова «алатырь») – по преданию, чудесный камень, принесенный с Синая и поставленный Иисусом Христом как алтарь в Сионском храме. Н. Бельченко обращает внимание на иносказательную связь в этом поэтическом тексте алтаря и Слова [2, с. 49]. Алатырь-камень, «всем камням отец», – один из ключевых образов «Стиха о Голубиной Книге» [3, с. 313]. В стихе о Голубиной книге алатырь ассоциируется с алтарём, расположенным в центре мира, посреди моря-океана, на острове Буяне. На нём стоит мировое дерево или трон мирового царствования. Камень наделён целебными и волшебными свойствами (из-под него по всему миру растекаются целебные реки). Алатырь охраняют мудрая змея Гарафена и птица Гагана. Как указывает А. Н. Афанасьев, по народным представлениям, «алатырь-камень есть собственно метафора ясного весеннего солнца» [1, с. 158]. Визуальный образ *павлина* символически определяет красоту, многоцветие подлинной поэзии, *свирель* служит акустическим образом прекрасной, приятной слуху мелодики стиха, *адамант* – воплощение «несокрушимости, исключительной прочности, силы и уверенности поэтического слова.

Таким образом, разрушение (*глухое, бездушное олово*) противопоставляется идеальному мирозданию (*изба, снопы овинные, воск с медынью яблоновою*). Так в тексте формируется оппозитивная связь четвертой и восьмой строф.

Идеал поэзии для Клюева – крестьянская (народная) поэзия, а идеал поэта будущего метафорически сформулирован им в последних строках текста: «*И цвести над Русью новою Будут гречневые гении*».

Стихотворение Н. Клюева, по-видимому, не только выпад в сторону поэтов «Пролеткульта» (стихотворение В. Кириллова лишь веский повод высказать свое отношение к поэтическому творчеству). Это спор с урбанистической поэзией В. Маяковского и В. Брюсова. Строка «...вы же тайн не расскажете про сады благоуханные» – прямой выпад в сторону К. Бальмонта, сказавшего: «Я обещаю вам сады...»).

Литература

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. – М., 1867. – Т. 2.
2. Бельченко Н. Ритуал как ключ к прочтению цикла «Спас» Н.А. Клюева // Ритуально-міфологічний підхід к інтерпретації тексту: Збірник наукових праць / За заг. ред. Л. О. Кисельової, П. Ю. Поберезкіної. — Київ: Інститут змісту і методів навчання, 1998. – С. 35-49.
3. Бессонов П. А. Калики перехожие. – М., 1864. – Т. 2.
4. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997.
5. Клюев Н. Стихотворения. Поэмы. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 178.